

Frédéric
BEIGBEDER
1965

Фредерик
БЕГБЕДЕР

*Любовь живет
три года*

Санкт-Петербург

*Посвящается Софи Кристине де Шастенье
и Жан-Мишелю Бегбедеру,
без которых не родилась бы эта книга (и я тоже)*

Как проигравший, я знаю, что говорю.

Скотт Фицджеральд

Ну и что? Ну да! Надо называть вещи
своими именами! Человек любит,
а потом больше не любит.

Франсуаза Саган

*(на званом обеде у себя дома
с Брижит Бардо и Бернаром*

Франком)

I

Сообщающиеся сосуды

I

Со временем любовь проходит

Любовь — это битва. Заранее проигранная.

Сначала все прекрасно, даже вы сами. Вы только диву даетесь, что можно быть таким влюбленным. Каждый день приносит новую порцию чудес. Никому на Земле никогда еще не было так хорошо. Счастье есть, оно проще простого: это чье-то лицо. Весь мир улыбается. Целый год ваша жизнь — одно сплошное солнечное утро, даже в сумерки и когда идет снег. Вы пишете об этом книги. Торопитесь жениться — чего тянуть, если вы так счастливы? Думать не хочется, от этого грустно; пусть жизнь сама решит за вас.

На второй год кое-что меняется. Вы стали нежнее. Гордитесь тем, как хорошо вы с вашей половиной притерлись друг к другу. Вы понимаете жену «с полуслова»; как здорово быть единым целым. Супругу принимают на улице за вашу сестру — вам это льстит, но и на пси-

хику действует. Вы занимаетесь любовью все реже и думаете: ничего страшного. Самонадежно полагаете, что эта самая любовь крепнет с каждым днем, когда конец света уже не за горами. Вы выступаете в защиту брака перед приятелями-холостяками — те вас не узнают. А вы-то сами уверены, что узнаете себя, когда талдычите заученный урок, изо всех сил стараясь не смотреть на свеженьких девочек, от которых светлее на улице.

На третий год вы уже не стараетесь не смотреть на свеженьких девочек, от которых светлее на улице. Вы больше не разговариваете с женой. Проводите с ней долгие часы в ресторане, слушая, что лопочут соседи по столу. Вы с ней все чаще бываете вне дома: это повод, чтобы не трахаться. А вскоре наступает момент, когда вы не можете больше выносить свою половину ни секунды лишней, потому что влюбились в другую. Только в одном вы не ошиблись: последнее слово действительно всегда остается за жизнью. На третий год у вас две новости — хорошая и плохая. Хорошая новость: вашей жене все обрыдло и она от вас уходит. Плохая новость: вы начинаете новую книгу.

II

Развод по-праздничному

Когда едешь поддатый, главное — целься между домами и не промахнись. Марк Марронье жмет на газ, в результате чего его мотороллер набирает скорость. Он лавирует между машинами. Те мигают ему фарами, гудят, когда он их задевает, прямо как на свадьбах в сельской местности. Вот ведь ирония судьбы: Марронье-то как раз празднует свой развод. Сегодня он совершает турне по маршруту № 5-бис, и на счету каждая минута: пять мест за вечер («Кастель» — «Будда» — «Бюс» — «Кабаре» — «Куин») — это уже круто, а прикиньте, что 5-бис, как явствует из названия, выполняется дважды за ночь.

В таких местах он часто бывает один. Светские люди вообще одиночки, затерявшиеся в море смутно знакомых лиц. Они приободряются, пожимая руки. Каждый новый поцелуй — трофей. Они тешат себя иллюзией собственной

значимости, здороваясь со знаменитостями, хотя сами в жизни ни черта не сделали. Бывать они стараются только там, где шумно, — можно не разговаривать. Праздники на то и даны человеку, чтобы скрывать, что у него на уме. Мало кто знает больше народу, чем Марк, и мало кто так одинок.

А сегодняшний вечер — не просто праздник. Сегодня у него divorce-party! Ура! Для начала он купил в каждом заведении по бутылке. И, похоже, к каждой успел нехило присосаться.

Марк Марронье, ты Король Ночи, куда бы ты ни пришел, сам хозяин заведения лобызает тебя в губы, ты проходишь без очереди, тебя ждет лучший столик, ты знаешь всех по фамилиям, ты смеешься всем шуткам (особенно самым несмешным), тебе дают дури задаром, ты повсюду красуешься на фотографиях, непонятно, с какой стати, с ума сойти, как высоко ты взлетел за несколько лет в светской хронике! Набоб! «Светский лев»! Но скажи, объясни на минуточку, почему жена-то тебе сделала ручкой?

— Мы расстались по обоюдному несогласию, — цедит сквозь зубы Марк, входя в «Бюс».

Позже он добавляет:

— Я женился на Анне, потому что она была ангелом — и именно по этой причине мы развелись. Я думал, будто ищу любовь, пока в один прекрасный день не понял, что хочется мне прямо противоположного — держаться от нее подальше.

Тихий ангел пролетает некстати, и Марк меняет тему.

— Черт возьми! — рявкает он. — А девочки-то здесь ничего, жаль, я зубы не почистил, когда собирался. Оп-ля! Мадемуазель, вы чудо как хороши. Будьте любезны, разрешите вас раздеть!

Он такой, Марк Марронье: прикидывается крутым в своем бархатном костюмчике, потому что быть нежным стыдится. Ему стукнуло тридцать: межеумочный возраст, когда ты слишком стар, чтобы быть молодым, и слишком молод, чтобы быть старым. Он делает все, чтобы походить на свою репутацию: не дай бог кого-нибудь разочаровать. Он так старался расширить свой послужной список, что превратился в карикатуру на самого себя. Ему надоело доказывать, что у него добрая и глубокая душа, вот он и строит из себя злюку и верхогляда, нарочно демонстрирует буйный, а то и грубоватый нрав. Так что, когда он выбегает на танцпол с криком: «Ур-р-ра! Я р-р-развелся!» — нет

желающих его утешать. Только лазерные лучи пронзают сердце, как острые клинки.

Наступает час, когда переставлять ноги становится сложной операцией. Пошатываясь, он вновь седлает мотороллер. Ночь холодная. Газанув с места в карьер, Марк чувствует, как по щекам текут слезы. От ветра, наверно. Его веки все так же каменно неподвижны. Шлема он не надевает. Дольче Вита? Что за Дольче Вита? Где она? Слишком много воспоминаний, слишком многое надо забыть, адова будет работенка — стереть все это из памяти, сколько прекрасных минут придется пережить взамен тех, прежних.

Он встречается с друзьями в «Бароне» на авеню Марсо. Шампанское втридорога, девочки тоже. Например, если хочешь потрахаться с двумя — выкладывай шесть тысяч, а с одной — три. И даже скидок не делают. Они требуют заплатить наличными; Марк со своей кредиткой выходит к банкомату; они везут его в гостиницу, разоблачаются в такси, сосут его на пару, а он знай нажимает на головы; в номере они мажутся душистым кремом, он вставляет одной и лижет другую; через некоторое время, поняв, что не кончит, симулирует оргазм, после чего идет в ванную, чтобы украдкой выбросить пустой презерватив.

В такси на обратном пути, ранним утром,
он слышит:

Алкоголь слегка горчит,
День прошел — и день убит.
Захудалый музыкант
На мосту
Моей жизни заиграл
Пустоту.
Кристоф,
«Прекрасный чудак»¹.

Он решает впредь перед выходом мастурби-
ровать, чтобы больше не попутал бес вытво-
рять невесть что.

¹ Перевод Ирины Кудесовой. (*Здесь и далее примеч. перевод.*)

Ш

На пляже, совсем один

Всем привет, я автор. Добро пожаловать в мои мозги, извиняюсь за вторжение. Не буду больше морочить вам голову: я и есть мой главный герой. Все, что обычно со мной происходит, — так, семечки. Никто от этого не умирает. Например, ноги моей никогда не было в Сараево. Мои драмы разыгрываются в ресторанах, ночных клубах и квартирах с лепниной. Самая большая трагедия, которую мне пришлось в последнее время пережить, — меня не пригласили на чествование Джона Гальяно. И вдруг на тебе: ни с того ни с сего я подыхаю, до того мне плохо. Я помню время, когда все мои друзья пили горькую, потом — ширялись, потом — женились, а теперь вот пошел период, когда все разводятся, перед тем как подохнуть. А происходит это, между прочим, в самых веселых местах, здесь, например, на Красном Парусе, пляже в Сен-Тропе, жара, *евроданс* на стойке бара, чтобы освежить люмпен-кисок в бикини, их

поливают «Кристал Рёдерером» за миллион старыми 0,75 л, а потом обсасывают им пупки. Во всех углах вымученно хихикают. Утопиться бы в море, но слишком много народу катается на водных лыжах.

Как же я допустил, чтобы показуха до такой степени подмяла мою жизнь? Часто говорят: «Надо спасти лицо». А я говорю, лицо надо убивать, только так и спасетесь сами.

IV

Самый грустный человек, которого я встречал на своем веку

Есть зимой в Париже такие места, где как-то особенно холодно. Сколько ни пей крепких напитков, кажется, будто пурга насквозь продувает бары. Надвигается ледниковый период. Даже в толпе пробирает колотун.

Я все делал правильно: родился в хорошей семье, учился в лицее Монтеня, потом в лицее Людовика Великого, получал высшее образование в институтах, где вращался среди интеллигентных людей; я приглашал их потанцевать, находились и такие, что давали мне работу; я женился на самой красивой из всех моих знакомых девушек. Почему же здесь так холодно? В какой момент я дал промашку? Я ведь хотел только доставить вам удовольствие, а мне не так уж трудно было соответствовать. Ну почему я не имею права жить как все? Почему вместо простого счастья, которым меня поманили, мне достались одни сложности и раздрай?